

И.В. Пинчукова

Гендерный подход в исторической науке

В последние два десятилетия в мировой исторической науке появилось новое направление исследований, которое до сих пор именуют по-разному – либо гендерным подходом в исторической науке, либо специальной исторической дисциплиной – гендерной историей. Наряду с этим существует точка зрения европейских и американских историков-гендерологов, призывающих определять гендерную историю как часть академической исторической науки, без которой невозможно многогранное, своего рода, плюралистичное понимание исторического процесса. Актуальность данной тематики для российского научного дискурса состоит в том, что гендерная история поставила ряд важнейших проблемных вопросов для исторической науки, которые по сей день заставляют наших ученых искать пути самоопределения в мировом научном пространстве. Один из них – стоит ли заимствовать иностранную терминологию вместе со всем методологическим аппаратом, неужели российская наука не в состоянии предложить нечто свое по данной тематике?

Целью данной работы является анализ основных аспектов гендерного подхода в качестве нового перспективного направления исследований современной исторической науки. Рассмотрим историю появления этого направления, объект и предмет гендерной истории, основы ее методологии, на базе которой строится непосредственная работа с историческими источниками.

Историография вопроса, несмотря на относительную молодость гендерного подхода, достаточно обширна. Более длительную проработку проблематика гендерной истории получила в зарубежной литературе, поскольку первыми историками-гендерологами стали специалисты по женской истории (которая явилась прародительницей гендерной истории) – в большинстве своем представительницы новой волны европейского женского движения. Среди наиболее значимых зарубежных исследователей стоит назвать Джоан Скотт [1, с. 1053–1075], работа которой стала программной статьей по гендерной истории. В дальнейшем появились труды Г. Бок, Л.Д. Николсон, У. Фреверт, Г.Ф. Будде, С. Людесдорф, Р. Хоф, в которых рассматривается история появления и развития гендерных исследований в исторической науке [2–7]. Большинство зарубежных авторов отличает видение безусловной взаимосвязи женской истории, разрабатываемой феминистскими теоретиками, с гендерной. В ранних исследованиях 80-х гг. нередко подчеркивалась мысль о том, что гендерная история, или история

полов, является обновленной и дополненной женской историей. Более поздние работы четко разграничивают эти направления, что, по всей видимости, связано с приобретением гендерной историей некой самостоятельности и получением ею определенного признания в академических кругах.

На постсоветском пространстве круг исследователей данного вопроса пока невелик, но ширится с каждым годом. Есть профессионалы, занимающиеся этой проблематикой более 10–15 лет. Это Н.Л. Пушкарева, Л.П. Репина, О.А. Воронина [8–10]. Достаточно активно работают в этом направлении М.Г. Муравьева, И.Р. Чикалова, И.В. Хайдер, И.И. Юкина, А. Усманова [11–15] и др. По мнению С.А. Ушакина, особенность наших работ может быть связана в первую очередь с заимствованием термина «гендер», который в родной лингвистической среде имел свою историю появления, свою сложную традицию употребления [16, с. 37], а в российском контексте таковой не было. В связи с этим наши гендерные исследования неизбежно приобретают какие-то особые черты. К примеру, много работ посвящено именно истории женщин, а не истории мужчин и изучению взаимоотношений между полами. Но этому есть вполне простое объяснение – отечественной исторической науке нужно заполнить лауну в знании, образовавшуюся в связи с малым количеством исследований о женщинах, проведенных самими женщинами. Для науки, созданной мужчинами, были гораздо важнее другие объекты изучения, а женщины и их непубличные (как ранее было принято считать, менее значимые в социальном плане) виды деятельности долгое время оставались в тени научного интереса. К тому же большинство исследователей-мужчин основывались на традиционных теориях биологического эссенциализма, признающих различия между полами естественными, а не социально сконструированными, что практически полностью ограничивало активность большинства женщин частной сферой (т.е. обязанностями матери и жены) и не давало возможности понять изменений, произошедших в их социальном положении в XX в.

В мировом научном дискурсе сложилось так, что до XX в. **практически все научные дисциплины, в том числе и историю, создавали мужчины.** Исторические подходы основывались на субъект-объектных отношениях, на изучении преимущественно политических, экономических, военных структур. Преобладал интерес к макроистории, не позволяющий разглядеть важность событий, происходящих, к примеру, в микромире семьи. Женщин-профессоров, которые могли

бы что-то в этом плане изменить, просто не было. С изменением положения женщин в науке, казалось бы, появилась возможность корректировки традиционных схем историописания. Однако, попадая в науку, женщины в большинстве случаев становились проводниками традиционной исторической методологии, и до появления исследовательниц, относящихся к феминистскому движению, ситуация оставалась неизменной.

Как известно, любое прямое вторжение политики в науку, особенно негосударственного уровня, всегда вызывает всплеск противоречивых мнений в отношении такого поведения. Это происходит до тех пор, пока то или иное политическое движение не займет своей ниши в государственных структурах, после чего споры постепенно утихают, и открываются новые возможности для нового направления исследований. Хотя не стоит недооценивать внутренние тенденции развития науки, но сами эти тенденции с появлением **women's studies (женских исследований)** также не остаются неизменными. На общефилософском уровне происходит постепенная смена модернистской парадигмы познания на постмодернистскую с ее плюралистичными веяниями. И с того момента, как эти веяния бесповоротно утверждаются в научном дискурсе, в первую очередь в Европе и Новом Свете, традиционализм уже не может помешать возникновению и укреплению новых направлений исследования, которые в рамках неклассической эпистемологии приобретают научный статус. Так произошло и с женскими исследованиями, которые постепенно отстаивали свое право на существование, породив при этом новое методологическое направление в гуманитарных науках, которое на сегодняшний день стало одним из наиболее мобильно развивающихся на общемировом уровне. Таким направлением стали гендерные исследования, которые, отделившись от женских, стали самостоятельно пробивать себе дорогу в научную жизнь.

Гендерная история, ныне оформившаяся в отдельное научное направление, появляется благодаря разработке термина «гендер». Здесь мы уже имеем дело с обширным спектром исследований как отечественного, так и зарубежного происхождения. Одно из первых определений гендера было дано в США, где эта проблематика более 15 лет назад получила статус официальной научной дисциплины. В справочных изданиях есть такое определение гендера: «Термин введен феминистками с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда речь идет о различии между женским и мужским полом, то имеется в виду их биологическое разделение» [18, p. 305]. Когда говорят о гендере, то исходят из определенных социально сконструированных понятий женщины и мужчины и предполагают изначально установленное различие их социального статуса. В целом гендер определяется как сложный социокультурный процесс

конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик.

Само понятие «гендер» появляется и развивается благодаря женским исследованиям (**women's studies**), а прародительницей гендерной истории стала соответственно женская история. Тогда возникает резонный вопрос: насколько современная гендерная история связана с женской историей? По этому поводу в статье Г.Ф. Будде отмечается, что возникновение женской истории ассоциируется в первую очередь с новым женским (феминистским) движением 70-х гг., в связи с чем «некоторые историки затруднялись, а другие считали ненужным настаивать на четком разграничении между политическими программами и научными исследованиями» [5, с. 132], что и породило в дальнейшем определенную долю неприятия женской истории в академических кругах и ее изолированное положение. Как пишет У. Фреверт, «следствием такой изоляции стало «вытеснение в гетто», что и вызвало состояние, с «успехом» мешающее феминисткам добиться изменения исторической науки» [4, s. 31].

Но именно благодаря женской истории в поле зрения исследователей попадают новые виды исторических источников, которые ранее считались недостаточно релевантными. Это в первую очередь источники личного происхождения, среди которых были женские дневники, переписка, мемуары. Теперь, когда женщины в истории получили возможность быть увиденными и услышанными, стало возможным вскрывать и объяснять факты их особого положения в обществе. Западные историки стали изучать проявления неравенства, в основе которого лежит пол. По мнению Г. Бок, исследования по истории женщин, в которых гендерные отношения предстали как автономная историческая величина, открыли новые перспективы. Было установлено, что гендерные отношения столь же важны, как и все прочие типы человеческих отношений. Пришло понимание того, что исключение отношений между полами из «великих вопросов» истории перекрывает дорогу к новому, более глубокому виду познания прошлого [2, p. 24].

Еще один бесспорный факт заставляет исследователей по достоинству оценить женские исследования в исторической науке: «... история женщин включила в сферу своих интересов почти все вопросы, имеющие отношение к их жизни в разные эпохи, и дала импульс к созданию нового направления в историографии – гендерной истории» [12].

Наиболее обобщенное понятие гендерной истории зафиксировано в статье У. Фреверт, где автор определяет ее как историческую субдисциплину, в рамках которой идет изучение отношения к дифференциации полов в обществах прошлого, а также того, как ее описывали и какое значение ей придавали [4, s. 28].

Таким образом, предметную область изучения гендерной истории можно, с одной стороны, рассмотреть как историю формирования и функционирования системы отношений, стратифицирующих общество по признаку пола, а с другой – как исторически складываемые представления о «мужском» и «женском», обозначаемые как категории социального иерархического порядка. Гендерная история появилась именно тогда, когда было накоплено значительное количество исследований по женской истории и одновременно встал вопрос о совершенствовании методологических возможностей последней. В рамках возникшей гендерной истории процесс методологического наполнения новых исследований пошел достаточно успешно особенно после появления статьи Джоан Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа», которая впоследствии стала наиболее цитируемой работой по гендерной истории и без которой не обходится практически ни одно исследование в этом направлении. Главной заслугой автора принято считать внесение термина «гендер» в список наиболее важных аналитических исторических категорий, наравне с «классом» и «расой».

Дж. Скотт отмечает интересные детали развития современной истории, которая прошла путь от своеобразного эталона бесполой всеобщей истории, по существу, игнорирующей женщин, к однополой «монологической» женской истории и далее – к «диалогической» истории гендерных отношений. Так, по ее мнению, возникает обогащенная и обновленная социальная история, расширившая понимание социального и включившая в него все сферы социальных отношений как в общественной, так и в частной жизни.

Дж. Скотт пишет о четырех составляющих гендерных отношений в обществе, с помощью которых можно проводить успешный социологический и исторический анализ: во-первых, это комплекс культурных символов, оформляющихся в стереотипические представления общества и таким образом задающих ментальный фон жизнедеятельности людей; во-вторых, нормы, основанные на символических представлениях, которые оформляются в виде религиозных, педагогических и политических доктрин; в-третьих, социальные институты (от семейно-родственных до государственных), и в-четвертых, гендерная субъективная идентичность [1, р. 1062]. Таким образом, вопрос исторического исследования состоит в том, какими являются отношения между всеми четырьмя аспектами процесса конструирования гендерного статуса. Когда историки ищут средства, с помощью которых концепция гендера легитимирует и конструирует социальные отношения, они проникают внутрь взаимной природы гендера и общества.

Л.П. Репина пишет об одном из наиболее активно разрабатываемых направлений гендерной истории – изучении «мира воображаемого» [9, с. 52], представ-

лений о гендерных ролях и различиях. Такого рода интерес тесно связан с новыми тенденциями в историографии, с расширением ее эпистемологических основ на фоне общего антрополого-лингвистического поворота в развитии современного гуманитарного знания и нового сближения истории и литературы.

Большинство методов, используемых историками-гендерологами, принято считать заимствованными из гендерной психологии или социологии. Одной из возможных причин такого положения можно назвать более длительную историю изучения личностных и социальных характеристик женщин и мужчин в пределах этих двух гуманитарных наук. Хотя не менее важную роль здесь сыграла и историческая дисциплина этнология, разработавшая метод включенного наблюдения, или метод инсайдера (на основе максимального использования информации в виде исторических источников, научных публикаций, художественных работ исследователь пытается как можно глубже погрузиться в мир прошлого, чтобы изучить его изнутри). Стоит сказать о расширении области применения качественной методологии (в противовес формально-количественной), повышенном внимании к авторским интерпретациям исторических событий, отходе от позиций классической объективности (признание субъективных ценностей и эмоций), интересе к «фону», опосредующему и создающему конкретные события.

Как отмечает М.Г. Муравьева, «реализация тех возможностей, которые открывал гендерный анализ, была немислима без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования и генерализации, без «тонкой» притирки нового инструментария к неподатливому материалу исторических источников» [11]. Все это потребовало, прежде всего от историков, большой самостоятельной теоретической работы.

На сегодняшний день гендерные исследования в истории осуществляются преимущественно в направлении сочетания традиционных для историков проблем социально-экономического плана, антропологического подхода и ключевых аспектов гендерных взаимодействий. При этом используются достижения смежных (и сравнительно новых) областей научного знания – устной истории, психоистории, истории повседневности, истории ментальности и т.д., что предполагает очень серьезную профессиональную подготовку. Для получения ценных и важных результатов наиболее продуктивным оказывается путь, связанный со слаженной работой целого коллектива специалистов. В этом случае даже широкая образованность того или иного исследователя не сможет помочь решить все поставленные проблемы с использованием максимального количества имеющихся методов. Гендерная методология изначально предполагает сотрудничество ученых самых разных направлений и школ.

Относительно специфики гендерной исторической методологии отметим точку зрения Н.Л. Пушкаревой о синтезирующей функции гендерного подхода в истории. Она пишет: «Гендерная методология помогает преодолеть узость отдельных самостоятельных «историй» – историй женщин, мужчин, – поскольку функция ее не комплементарная (дополнительная), не компенсирующая (нехватку чего-либо), не пересматривающая (старые представления, старые подходы: все это были функции феминологии), а именно синтезирующая» [8, с. 40]. В первую очередь здесь имеется в виду синтез новых методологических направлений в исторической науке с междисциплинарным потенциалом исторической феминологии, которые сыграли главные роли в формировании гендерной методологии в истории.

Однако не стоит забывать, что процесс формирования гендерного подхода в истории вряд ли можно считать завершенным. Несмотря на то, что существует определенный инструментарий, позволяющий проводить историческую гендерную экспертизу, он все еще дополняется обширными междисциплинарными методами сопредельных гуманитарных наук и собственно традиционными историческими исследовательскими методиками.

В заключение отметим, что в современной исторической науке уже более 20 лет идет формирование гендерного междисциплинарного подхода. Его развитие, продолжающееся и поныне, претерпело ряд трансформаций, связанных с отделением от женской истории и самостоятельным самоопределением в рамках современной исторической науки. Этот процесс привел к организации самостоятельной предметной области исследований, в большинстве случаев определяемой как видоизменяемые в ходе истории представления о женских и мужских ролях в обществе, имеющих иерархическую основу. Выделение самостоятельной области исследований и формирование методологического аппарата позволили части исследователей говорить о появлении новой специальной исторической дисциплины – гендерной истории. Между тем в академических кругах более распространено употребление понятия «гендерный подход» в исторической науке, что также имеет свою вескую аргументацию, выражающуюся в том, что речь идет о «неформальном» объединении нескольких направлений гендерных исследований (исторической феминологии, андрологии и истории сексуальности).

Библиографический список

1. Scott, J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis / J.W. Scott // *American Historical Review*. – 1986. – Vol. 91. – №5.
2. Bock, G. Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate / G. Bock // *Gender and History*. – 1989. – Vol. 1. №1. (в переводе: Бок Г. История, история женщин, история полов // *THESIS*. – 1994. – Вып. 6.
3. Nicholson, L.J. Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family / L.J. Nicholson. – N.Y., 1986.
4. Frevert, U. Frauengeschichte – Mannergeschichte – Geschlechtergeschichte / U. Frevert // Blattman L. *Feministische Perspektiven in der Wissenschaft*. – Zurich, 1993.
5. Будде, Г.Ф. Пол истории / Г.Ф. Будде // *Пол, гендер, культура* / под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. – М., 1999.
6. Leydesdorff, S. Gender and the Categories of Experienced History / S. Leydesdorff // *Gender & History*. – 1999. – Vol. 11. – №3.
7. Хоф, Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // *Пол, тендер, культура* / под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. – М., 1999.
8. Пушкарева, Н.Л. Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках / Н.Л. Пушкарева // *Пол и гендер в науках о человеке и обществе*. – Тверь, 2005.
9. Репина, Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования / Л.П. Репина // *Новая и новейшая история*. – 1997. – №6.
10. Воронина, О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках / О.А. Воронина // *Гендерный калейдоскоп*. – М., 2002.
11. Муравьева, М.Г. Гендерная история / М.Г. Муравьева [Электронный ресурс] <http://www.owl.ru/gender/022.htm>
12. Чикалова, И.Р. Женская и гендерная история. Со-стояние и перспективы развития / И.Р. Чикалова [Электронный ресурс] <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/chikalova.htm>
13. Хайдер, И.В. Гендерная методология истории (к постановке проблемы) / И.В. Хайдер [Электронный ресурс] <http://www.astrasong.ru/c/science/article/345/>
14. Юкина, И.И. Проблемы становления российской истории женщин // *Женщины в истории: возможность быть увиденными* / И.И. Юкина. – Минск, 2001. – Вып. 1.
15. Усманова, А. «Визуальный поворот» и гендерная история / А. Усманова // *Гендерные исследования*. – 2001. – №4.
16. Ушакин, С.А. «Gender» (напрокат): полезная категория для научной карьеры? / С.А. Ушакин // *Гендерная история: pro et contra*. – СПб., 2000.
17. Wodak, R. *Introduciob: Some Important issues in the Research and Discourse* / R. Wodak // *Gender and Discourse* / ed. By R. Wodak. – L., 1999.
18. Hornsby, J. *The Oxford Companion of Philosophy* / J. Hornsby. – N.Y., 1995.